

A dark, atmospheric night photograph of a street. The scene is dimly lit, with a bright street lamp in the upper right corner casting a warm glow. The street is lined with trees, and the overall mood is mysterious and quiet.

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ

**ТАИНСТВЕННЫЙ
ГОРОД
ПРОПОЙСК**

Михаил Боярский

Таинственный город Пропойск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23933361

ISBN 9785448512230

Аннотация

Сообщаем Вам, что редакционная комиссия рассмотрела произведения, размещенные на Вашей авторской странице на портале Проза.ру, и одобрила их номинацию на Национальную литературную премию «Писатель года 2015». Нашими редакторами особенно отмечены следующие произведения: «Таинственный город Пропойск».

Содержание

1. Пропойск	5
2. Утрата	17
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Таинственный город Пропойск

Михаил Боярский

© Михаил Боярский, 2017

ISBN 978-5-4485-1223-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Пропойск

Почему этот город называли Пропойском? Скорее всего, потому, что среди его населения не нашлось сколько-нибудь любителей трезвого образа жизни, которые бы вынесли вопрос о переименовании города на общегородское собрание. Дата и причина возникновения Пропойска окутаны мрачной тайной, по крайней мере, лет семьдесят пять назад он уже существовал под этим названием среди непроходимой тайги в долине реки Зея, и, несмотря на свою удаленность от железных, автомобильных, и прочих дорог был вполне пригоден для проживания. Каким образом в Пропойске могли появиться каменные дома, системы отопления, водоснабжения и канализации никто не мог сказать определенно, да и определенно над этим мало, кто задумывался, горожане Пропойска были люди не скрупулезные, их мало интересовали технические детали обустройства быта и исторические экскурсии, но они больше сосредотачивали свои усилия на размышлениях о том, как оплатить свое безбедное проживание и по возможности проживание своего потомства, и желательно подальше вперед.

Население города можно было разделить на несколько групп или сословий, которые впрочем, не были слишком обособленными. Делая это, лучше учесть национальную принадлежность, однако имея в виду, что она может быть

и не определяющей.

Поселились в Пропойске представители славного государства Китай, которые в большинстве своем вели торговый образ жизни, завозя в город со всех концов своей необъятной державы продукцию легкой и текстильной промышленности, электронику, посуду, предметы гигиены, сырье для производства спиртных напитков, кстати, необычайно популярных среди горожан, и прочие мелочи, которые так облегчают человеку тернистый жизненный путь, хотя еще несколько лет назад он и не подозревал об их существовании. Некто из представителей сей доблестной диаспоры даже пытался пригнать своим ходом автомобиль, но к счастью он не сумел перевалить через перевал Монгольских Грибников, и теперь этот посланец китайского автопрома несет почетную обязанность роддома для барсуков, в том месте, где огромный пень эвкалипта навсегда перегородил ему дорогу.

Корейская диаспора в Пропойске в основном продвигалась по пищевой части, ее представители издавна окружили городок агрономическим поясом, внутри которого занимались растениеводством и животноводством, продукцию которого сами же и реализовывали, больше в готовом виде, снабдив оную массую полезных приправ, которые в большом количестве вызывали шоковое состояние у неискушенной в национальных особенностях корейского пищевого рациона части населения. С корейцами вели конкурентную борьбу представители среднеазиатских республик, без которых

русскому человеку на своей земле похоже прожить просто невозможно, по крайней мере, они в этом глубоко убеждены, и практика это подтверждает даже в далеких заполярных селениях, не говоря уже о 50-й широте, где они успешно торгуют овощами и зеленью, а по слухам даже пытаются выращивать грибы, возможно не всегда одобренные к внутреннему употреблению министерствами здравоохранения многих государств.

Так же к представителям торгового люда, хотя, и не без ряда поправок можно было бы отнести и представителей действительно древнейшего ремесла, то бишь охотников, причем охотников, не только на различного рода животину, которая в здешних местах водилась в изобилии, но так же охотниками называли себя и кустари-золотодобытчики, искатели других ценных природных материалов, возможно по схожести ремесла, а так же и потому, что все они носили с собой оружие, и умели им пользоваться. В большинстве своем охотные люди были потомками забайкальских казаков поселенцев, прибывших на левый берег Амура еще в 18-м веке, и безземельных крестьян, которых массово переселил царь Николай в амурскую область в 1901 году, впоследствии к ним примкнуло множество современных искателей наживы и авантюристов, а так же тех людей, которые оказались в здешнем крае, будучи несогласными или не в силах оплатить предъявленные им счета по месту жительства, — продукт, который современное общество производит в мас-

совом порядке. В этом сословии так же можно было встретить капитально обрусевших представителей коренных народов здешних мест, как то эвенков, дауров, нивхов, нанайцев, гиляков, предававших поселению некий национальный колорит, – эти в основном работали по части пушного зверя и считались среди своих людьми чинными и богатыми, если только сторонились питейных заведений.

Нужно сказать, что все это охотное сословие являлось базисом экономики вольного города, ежегодный поток его финансовых вливаний в местный рынок трудно было переоценить, в основном благодаря золотому песку, который наряду с денежными знаками всех государств, являлся местной валютой и принимался на вес в каждой лавке, в ходу были так же некие сверкающие камушки, но с ними было посложнее, так как для их оценки требовалась консультация специалиста, а таковых в Пропойске было всего двое, (они, кстати, являли собой самую малочисленную городскую сословную группу, но архиважную!), посему комиссионные не всегда были приличными, с точки зрения участников сделки, коим их предъявляли.

Настоящей финансовой элитой в Пропойске были домовладельцы, ростовщики и содержатели питейных заведений, по правде сказать, не все они доживали до старости, по причине профессиональной вредности, потому что конфликты с их участием, которые часто завершались, не просто мордобоем, но и пальбой с далеко не всегда легкими ранениями

были здесь обычным делом.

В особую группу населения Пропойска можно выделить работников сферы обслуживания и транспорта, это в основном были мастера на все руки, – они строили, чинили, шили, стирали, оказывали транспортные услуги, (в городе для разного рода перевозок в основном использовался гужевой транспорт, а для частных поездок имелось несколько лошадок, которых в зависимости от размеров широты души клиента, а так же его платежеспособности, могли запрячь в одноместную коляску, либо в карету с золотыми позументами, наподобие той, в какой когда-то давным-давно выезжал местный генерал-губернатор по делам государственной важности), а так же выполняли работы по уборке и озеленению городской территории и очистке крыш от снега.

Конкуренцию лошадам составлял велорикша, тем более что таковой был в единственном экземпляре, этот бизнес освоил один китаец по имени или фамилии Ван, достаточно плотного телосложения, что не часто встретишь у людей его профессии, которого естественно местные жители тут же переименовали в Ваню. Основы транспортного бизнеса он постигал, как рикша обыкновенный, то есть когда он прибыл в Пропойск, и в первый же день не увидел ни одного рикши, то смекнул, где для него находится золотая жила, и через неделю горожане на улицах родного города могли наблюдать тележку, переоборудованную из навозной тачки в одноместный кабриолет, снабженный парой подушек набитых осен-

ней соломой, украшенный картонной табличкой с изображением страуса и надписью, состоявшей из нескольких малопонятных, на первый, невнимательный взгляд, иероглифов, запряженную полным китайцем в шортах с желтой повязкой на голове. Целый день он бегал по городу, выкрикивая нечто похожее, на реплики мастеров боевых искусств, которыми они пытаются сообщить своему противнику, что-то по поводу неприятия его взглядов на жизнь. Когда Ваня вез клиента, на него страшно было смотреть, он раздувался, как юный индюк перед первой схваткой за курочку, цвет лица его напоминал помидор, потоки воздуха, циркулирующие через его легкие никак нельзя было назвать дыханием, а скорее продувом и выхлопом, при этом в движении он пердел, как стареющий рысак, плотно отобедавший горохом, и не переставал провозглашать свои кричалки на родном языке. По началу он собирал целые толпы зрителей, и продавцы солевых орешков и пива вразнос зарабатывали на этом шоу больше его самого, но через месяц Ваня куда-то пропал, и когда его уже стали потихоньку забывать, в одно прекрасное утро на улицах Пропойска появился необыкновенный велосипедист, который тянул за собой повозку, смонтированную уже из двух навозных тачек и соответственно оборудованную большим количеством подушек, а на сидении трофейного немецкого велосипеда грузно восседал раздувающийся Вася, который громко кричал и выпускал газы.

Достаточно тонкой, но заметной, в Пропойске была про-

слойка интеллигенции, и куда же без нее!? Радостное чувство причастности к ней испытывали например – женщина библиотекарь, очень худощавая, но очень начитанная и романтичная, (ходили слухи о том, что она баловалась марихуаной в книжном хранилище, но еще не один читатель не сумел застать ее врасплох), доктор на все руки, который прибыл в Пропойск без диплома, но уверял, что он опальный терапевт высшей категории, хотя последнее время работал в морге (похоже, это подвигло его к неумеренному пьянству), три, подчиненных ему, медицинских сестры, которые по очереди дежурили в лазарете, и являлись главными потребителями каленых семечек в городе, китайско-корейский переводчик, знакомый с элементами русского языка, он же любитель настойки на мухоморах и горлового пения, дирижер краевого симфонического оркестра в отставке, который теперь работал сушильщиком рыбы, члены редакции газеты «Пропойская правда», состав которой был очень непостоянным из-за большого количества внештатных корреспондентов, малого тиража и нестабильных гонораров, профессор зоологии, который в настоящее время занимался заготовкой грибов и мхов, пара надолго заблудившихся маркшейдеров, любителей портвейна и длинных разговоров о трансцендентальном в литературе, а также о преследовании сексуальных меньшинств в некоторых районах Крайнего Севера, краевед Рувим Львович Шпильман, несколько музыкантов местного оркестра, генеральская вдова Сухорылова, двое дальних

родственников китайского императора и праправнук ссыльного декабриста, до сих пор преследуемый кем-то за политические взгляды, а также ряд им сочувствующих, имена и звания коих история до нас так и не донесла.

Особняком от остальных держалось сословие административных работников Пропойска, и не потому что, люди, к нему принадлежащие, смотрели на других сверху вниз, но потому что считали свою работу очень важной и ответственной. Нужно сказать, что город не подчинялся ни каким законам государства, на территории которого был расположен, и не признавал ни какой иной власти, кроме собственной, высшим органом, которой было общее городское собрание, на котором избирались руководители двух независимых ветвей власти – исполнительной, – городской глава, и судебной, – городской судья.

Функции законодательной власти исполняло само общее городское собрание, то есть общество жило в соответствии с законами и конституцией, которые это собрание одобрило и приняло еще на заре Пропойской демократии, то есть очень давно, и с тех пор ни кому не приходило в голову их изменять, дополнять или вносить что-то новое. Таким образом, городом управлял городской глава, у которого в подчинении был аппарат, состоявший из пятерых чиновников и секретаря, а так же служба безопасности во главе со своим начальником, – группа бывших пограничников, вооруженных казачьими саблями, пистолетами и специальными сред-

ствами для разгона неразрешенных митингов и демонстраций, (кои не проводились ни единожды с момента основания города). Служивые были обличены в особую форму, пошитую из темно-синей материи с серебристыми вкраплениями, защитные шлемы с тонированным забралом, где с помощью светоотражающей прозрачной пленки было нанесено изображение тюленя, который в левой лапе держал рыбу, наподобие вяленного подлещика, а в правой кружку с напитком, судя по обильным белым кудрям пены, больше всего напоминающего пиво. Тюлень коварно улыбался зубастым ртом, наводя на мысль, о том, что у него по жизни все в порядке. На погонах доблестные служители безопасности с достоинством носили знаки различия, в виде некоторого количества рыбьих голов, причем большее количество голов соответствовало меньшему статусу, и чем меньше было рыбьих голов на погонах, тем соответственно они были крупнее. Таким образом, у начальника службы на каждом погоне было только по одной большой рыбьей голове, где она соседствовала с вышеописанным тюленем, который по мимо всего прочего, являлся также и гербом города Пропойска. Общий вид начальственного погона навел на мысль, о том, что подлещик в лапе у тюленя далеко не первый, а судя по погонам младших чинов, тюлень вдоволь полакомился рыбкой, да и при этом вряд ли ограничился одной лишь кружкой пенного напитка...

Правосудие в вольном городе вершил главный судья, ко-

торый, помимо этой архипочетной обязанности, занимался так же сбором налогов и различного рода пошлин, таким образом, под его началом, помимо нескольких делопроизводителей и учетчиков, служило храброе войско судебных исполнителей, являвшихся одновременно и мытарями и таможенниками, они соответственно так же были при форме, во всем напомилавшей форму славных служителей безопасности, но с тем отличием, что она была светло-зеленого цвета, а рыбы головы на погонах заменяли лосиные рога. Вся эта административная когорта, разделенная на два лагеря, занимала небольшой двухэтажный домик в центре города, порядок в котором поддерживала женщина комендант, своей полувоенной выправкой и кожаным пиджаком напомилавшая комиссара революционного отряда, воевавшего когда-то за народное счастье.

Вот таким образом выглядел социальный состав жителей вольного города Пропойска в общих чертах, в общих, потому что мы поначалу не решились упомянуть еще об одном сословии, которое украшало собой улицы славного города круглосуточно, то есть, если погода позволяла, доблестные сословные единицы укладывались на ночь прямо на открытом воздухе, подстелив под себя, имеющееся в наличии шкуры диких животных и укрывшись аналогичным образом, радуясь, если удалось занять лавочку со спинкой или картонную коробку из-под корейского холодильника.

Похоже, еще ни одному общественному устройству еще

со времен родоплеменных отношений еще не удалось сбросить с себя эти социальные наросты. Нищие есть везде, и в огромных мегаполисах и в маленьких деревушках, куда не заезжает рейсовый автобус, их можно встретить и на экваториальных островах и на полярных станциях, везде, где бы человеческое общество не пускало свои корешки, среди буйной и многообразной растительности, всегда появится и этот нежный цветочек, который развернет свой листик наподобие ладошки и протянет ее к Вам, потупив взгляд. Однако нищенское сословие Пропойска имело одну особенность, которая выделяла его доблестных представителей на фоне аналогичных из других регионов и городов – побратимов и придавала им более высокий социальный статус. Дело в том, что подавляющее большинство горожан или уже прошло эту суровую школу жизни, или было готово влиться в это сословие при неблагоприятном стечении обстоятельств в любой момент. Как бывает, – не пришел вовремя товар или золотой песок, или покупатель опоздал с оплатой, нет залога для кредита, вот уже и нечем платить за жилье, – все иди спать на улицу или в копеечную ночлежку, в которой так воняет, что многие предпочитают ее теплу свежий воздух. Таким образом, бомжует человек месяц, а то и другой пока его дела не налаживаются или деньги не переведут, или песку не подкинут, бывает, что для некоторых этот процесс, к сожалению, затягивается на неопределенный срок, и им уже не остается ни чего другого, как говорить о том, что это их выбор.

Понищенствовал в свое время и самый богатый человек Пропойска, крупный домовладелец, и городской глава, и даже главный комендант здания городского управления – женщина из прошлой жизни, революционный комиссар. Ночевать на улице приходилось теперь Ивану Ивановичу Сушкину, потомственному охотнику из гольдов, родственнику самого Дерсу Узала, в соответствии с семейным преданием, пятидесяти пяти лет от роду, холостому, готовому на любое предприятие, но в настоящее время весьма стесненному в средствах.

2. Утрата

В свои почти пятьдесят Михал Иванович был уверен, что вряд ли его что-то сможет удивить или напугать, да так, чтобы столбняк напал. Но именно в этом состоянии он пребывал несколько минут, когда к нему на квартиру пришел капитан полиции с папочкой в руках и пистолетом в кобуре, и, заявив, что Павла Веревкина убили, стал задавать различные вопросы, касаемо личности погибшего, их отношений, а так же служителю закона было крайне интересно, как Михал Иванович провел прошлые выходные, да еще и поминутно.

Пашку Михал Иванович знал еще со школы, учился он на один год младше, но не по возрасту был умен и развит физически. Они сблизились на почве обоюдного неодобрительного отношения к постсоветской литературе, а так же оба не питали особых симпатий к коммунистической власти и работали над проектами государственного переустройства, собираясь по вечерам в старом сарае при свете керосиновой лампы с группой сочувствующих из евреев, поляков и одного крымского татарина.

После школы их пути разошлись, Пашка уехал в какие-то таежные места, что бы принять посильное участие в переустройстве быта малых народностей на основе развития прогрессивных экономических отношений в сфере свободной торговли и взаимовыгодного обмена, прокладывая но-

вые торговые пути и открывать перспективные рынки сбыта. То есть, он занимался тем, что мотался по диким стойбищам автономных округов с рюкзаком и пистолетом, выменивая пушнину и рыбу на продукты самогонварения, которые изготавливал на первых порах самостоятельно на дрожжевой и сахарной основе, используя традиционные технологии и стационарную дедовскую аппаратуру с виду, напоминающую медный самовар с резиновой трубкой, выходящей из головной части, установленный в старой, поросшей мхом и пропахшей табаком и носками землянке.

Нужно сказать, Пашка имел талант не только зарабатывать деньги, но спускать заработанное без тормозов в самых различных направлениях. Как-то раз, прибыв из очередной экспедиции по Красноярскому краю с полиэтиленовым мешком, наполненным иностранной валютой, он откупил небольшой ресторанный комплекс, заказал медведя с цыганами, исполнительниц танца живота и прочих скорморохов. Поил всех, пока не закончился последний доллар, причем исполнительницы животных танцев, не смотря на то, что выпили коньяка больше цыган и медведя, еще и выставили счет, который бы заставил почесать голову с тыльной стороны представителя первой десятки олигархической элиты по версии журнала «Сибирский предприниматель».

Вот так Пашка, то появлялся на короткий срок, то опять исчезал на годы. Всякий раз, приезжая, он заявлялся к Михал Иванычу, исхудавший, пахнувший смолистым дымом

и тройным одеколоном, но пьяный и довольный жизнью, размахивал пачками денег и звал Михал Иваныча отметить приезд, и как он говорил: «Глотнуть пивка». «Глотнуть пивка» часто завершалось массовым месячным запоем, при этом Михал Иваныч всегда искренне удивлялся тому, как много людей можно собрать благодаря бесплатной выпивке и закуске, а так же тому, как легко они становятся друзьями и объединяются во временные сообщества, как много мужчин, а то и женщин, с целью пьянства и разврата готовы оставить семьи на несколько дней и даже любимую работу.

Таким образом, к своим сорока восьми годам Паша не обзавелся ни семьей, ни жилищем, не считая пары таежных землянок и яранги где-то за полярным кругом, да и накопления его похоже большей частью пошли на популяризацию азиатских танцев в регионе и на материальную поддержку цыганской диаспоры Забайкалья и Сибири причем без всякой обратной связи.

Пару месяцев назад Паша опять заявился в съемную комнату Михал Иваныча с разбухшей от содержимого спортивной сумкой, был подозрительно серьезен, даже, казалось, чем-то озабочен, пожаловался на погоду в тайге, обвинил высокопоставленных работников министерства лесного хозяйства в нетрадиционной сексуальной ориентации, позволил себе несколько эпитетов в отношении крупных банковских учреждений, из которых сравнение с кошачьими экскрементами было самым благозвучным, и в завершении этой

доверительной беседы, попросил Михал Иваныча присмотреть за грузом, который, нужно полагать, был помещен в вышеупомянутую спортивную сумку с кармашками на молниях, при этом, с совсем уже серьезным видом, попросил ее открыть, если он в течение недели не появится, и прочитать письмо. После этого, они обнялись и Паша, допив полстакана адыгейского коньяка, раскатисто скинул внутренний воздушный балласт, и, водрузив на нос, темные очки, растворился в вечернем городе, серьезный и таинственный, как агент спецслужбы на вольных паях, но имеющий долю в уставном капитале крупной благотворительной организации, а так же небольшой домишко в курортной зоне. Больше Михал Иваныч его живым не видел...

Сумка теперь лежала на нижней полке шифоньера, лишив трусы, носки и майки привычного комфорта. Михал Иваныч благоразумно решил не упоминать о ней капитану с пистолетом и запасной обоймой в кобуре, разумно рассудив, что не его это полицейское дело, и еще небезосновательно предполагая, что груз представлял из себя деньги, которые Пашка зарабатывал в поте лица, кормя комаров и убегая от медведей извилистыми таежными тропами, и естественно попади «груз» к капитану, с ним можно было тихо попрощаться, чего Михал Иваныч ни как не мог допустить.

Считать устал Михал Иваныч к концу третьей сотни тысяч, он глянул на оставшееся содержимое, и сделал вывод, что еще осталось похоже столько же. Купюры были самого

разного достоинства от десятков до тысячных, попадались даже по одному доллару, все неспачкованные, измятые, частью по краям оборванные, от некоторых пахло так, как будто их скрывали в самых дальних частях организма от лихих людей и от таможенной службы, редко проскальзывали евро, все больше двадчатки, Михал Иванович нашел даже сто рублей, которые растрогано, отложил в сторонку.

Иван Иванович

Со своим компаньоном Иван Иванович не один год побродил по Амурскому краю, по тайным таежным тропинкам, которые, как невидимая неискушенному глазу паутина, соединяли друг с другом ветхие жилища угрюмых золотодобытчиков, и выводили их на рынки сбыта, не без помощи Иван Ивановича, который в любой таежной глуши был, как у себя дома, и его друга и компаньона, большого босса, как его прозвали в стойбищах, Паши Веревкина.

А в один, язык не поворачивается сказать, прекрасный день Паша показал Иван Ивановичу сумку наполненную купюрами и сказал, что двадцать процентов принадлежат ему, и теперь им обоим типа уже пора на покой... Иван Иванович сел на пенек, закурил свою маленькую трубку, посмотрел туда далеко в распадок, где покрасневшее солнце колосось о верхушки сосен, и прослезился. Когда его, поздней осенью, голодный и наглый медведь загнал в болото, Ивана Ивановича прихватило ревматизм, да так, что ему не то, что ходить, — лежать было больно, Паша три месяца жил с ним в холод-

ной избушке, которую зимою нужно было протапливать день и ночь, ухаживал за ним, как за родным отцом, даже спиртом растирал, а когда Пашу следующим летом укусил тигр, в то время, как тот помечал его территорию, они уже поменялись местами, и уже Иван Иванович лечил Паше израненную ногу травяными компрессами и другими нанайскими примочками, ухаживал за ним, как за малым ребенком.

А сколько раз они спасали жизнь друг другу, уходили без потерь от превосходящих их огневой мощью конкурентов, делились последним сухарем и глотком спирта, они стали друг другу ближе, чем родные, хотя по нескольку дней могли молчать, находясь рядом, – суровая природа и опасности, сближают больше, чем слова... И вот теперь похоже пришло время расставаться, конечно Иван Иванович, мог бы поехать с Пашей на Большую Землю, в города, где по дорогам ездят большие нарты на железных колесах, а летом можно ходить по улицам в трусах, но он и в Пропойске чувствовал себя не очень уютно, потому что дом его был тайге, где он мог заночевать в снегу, сварить суп из бурундука на еловой шишке, поймать лосося голыми руками, просто без суеты и шума сидеть у костра и задумчиво смотреть, как поднимается вверх пар от развешанных на кусте барбариса синеватых портянок, своими разводами напоминающих фотографию Сихотэ-Алиня, сделанную из космоса.

О деньгах Иван Иванович и не думал, для закупки продовольствия и боеприпасов на сезон ему хватило бы и пары

соболей, куда девать огромную сумму, которую ему предлагал Паша Веревкин, он даже и не предполагал. Дальше того, что бы загулять в «Пропойских вечерах» и купить новый карабин мысль не работала. Он тогда попросил Пашу забрать сумку и дать ему еще пару деньков подумать, после чего он почти сутки сидел в своей съемной комнатухе, размером с большой одноместный туалет и дымил потертой маленькой трубочкой, разглядывая позапрошлогодний календарь, наклеенный на коричневую стенку синей изолентой.

Его печальные размышления прервал Пашкин визит, тогда он ворвался, запыхавшийся, весь какой-то взерошенный, озабоченный, и если бы Иван Иванович плохо знал Пашу, то сказал бы еще и испуганный. Он сунул Иван Ивановичу пару тысяч в американской валюте, настойчиво попросил его дожждаться, потому как он летит на Большую Землю со всеми деньгами, потому что этого на сей момент требуют обстоятельства, вернется через пару месяцев, и отдаст ему причитающееся. Потом он достал из внутреннего кармана чекушку самогона, разлил содержимое в чайные стаканы, слегка уже покоричневевшие от крепкой заварки, которое они выпили за один раз. Паша крепко обнял Ивановича, чуть сверкнул слезою, еще раз сказал: «Жди!» и побежал по главной пропойской улице, обгоняя запыхавшегося и ругающегося на китайском языке велорикшу Ваню.

Когда Иван Иванович, глядя в окно, провожал взглядом, убегающего друга, ему почему-то пришло в голову подарить

Ване на день рождения велотренажер.

Так как Паша сказал его дожидаться, то Иван Иванович остался в городе, и не пошел бродить по Зейским болотам, и очень скоро убедился в том, что жизнь в Пропойске весьма дорогого стоит, именно в материальном смысле. Простой обед в заштатном городском ресторане «Пропойские вечера» стоил не меньше сороковки, да еще подлиза официант всегда выпрашивал десятку чаевых, каждый раз при этом, противным тонким голосом объясняя, Иван Ивановичу, что «так у нас принято». Он, было, стал готовить кижучей на углях, но костер все время тушил дворник, заявляя, что «не положено огонь разводить, где не попадя», а тут еще предъявили счет за проживание в каморке, да такой, что Иван Иванович, отдав все деньги, еще остался должен, в результате чего, его выгнали из помещения на улицу вместе с его скудными пожитками и дедовским копьем, с которым тот ходил когда-то на медведей, пока его не премировали хорошим ружьем, как победителя социалистического соревнования, среди охотников не обеспеченных огнестрельным оружием.

Таким образом, в славную когорту пропойских нищих, к которой по последней неофициальной переписи имело честь себя причислить четверть населения свободного города, влился еще один член, и его ей явно не хватало.

Завещание Павла

Завещание Михал Иванович обнаружил на самом дне сумки, после того, как устал пересчитывать огромное количество денежных купюр. Впрочем, эту записку по форме нельзя было назвать завещанием, но именно в ней Павел Эдуардович Веревкин высказал свои пожелания о будущем распределении своих средств, а они, как оказалось, стали последней волей покойного, о чем он, похоже, не без оснований и подозревал. И вот содержание этого, с позволения сказать документа:

«Дорогой мой, Михаил Иванович, впрочем, я больше хочу сказать – Миша! Когда ты откроешь сумку после моего долго отсутствия, которое означает, скорее всего, мою смерть, ты обнаружишь там деньги и это письмо, которое пишу от всей своей широкой души. Миша, друг мой, ты знаешь, что за весь мой жизненный путь, тяжелый и не однозначный, я не встретил ни одного человека, который бы явился для меня „светом в ночи“, не считая пары проституток, кроме тебя. Поэтому, Миша, все деньги, которые в сумке, я отдаю тебе, кроме ста тридцати тысяч баксов, которые, я попрошу тебя отдать Иван Ивановичу Сушкину, моему другу и компаньону, единственному человеку в Пропойске, которому я безгранично доверял. Этот человек не раз меня спасал и тебя спасет, если понадобится. Мне конкретно сели на хвост, поэтому, я быстро унес ноги из Пропойска, похоже ищут мое бабло. Ни кому не доверяй и деньги не показывай, потому что, такое количество налички может вызвать

шок у граждан, ведущих размеренный образ жизни, и первым их побуждением, которое может оказаться и последним, будет звонок в полицию, после чего начнутся проблемы, как у полиции, так и у тебя. На меня налетели еще в Пропойске, вообще темные люди, я многих повидал, но эти, какие-то особенные, они, как волки, много не говорят, но зубы зря не скалят. Короче, если выйдут на тебя, – ты ни чего и ни кого не знаешь, все отрицай, но я надеюсь, что к тебе ни кого не привел. Однако нюхом чувствую, что они где-то рядом, поэтому попытаюсь занырнуть на дно, авось выживу. В сумке найдешь специальную карту и подробные инструкции, как добраться до Пропойска, что не очень-то и просто, не теряя время, прямо сегодня собирайся, а завтра в аэропорт, дальше по инструкции. В городе найдешь, Ивана Иваныча Сушкина, это мой компаньон и друг, скорее всего он, проживает в гостинице с названием „Пропойский ночлежный дом“, отдашь ему оговоренную сумму, и еще, огромная к тебе просьба: Не дай ему потратить деньги, как попало, это он может! Вот и все. И еще не ходи по городским подвалам в Пропойске. За сим, Ваш, Павел Эдуардович Веревкин, волею Божией, коммерсант».

Михаил Иванович долго сидел и думал, потом выпил полстакана водки и опять долго сидел и думал. Сегодня его жизнь поменялась кардинально. Возможно, ничто не меняет течение нашей жизни, как чья-то смерть. Несмотря на трагедию, которую она в себе несет, он в тоже время является

импульсом, рождающим, что-то новое, совсем, как в евангельской притче о зерне. Нужно быть настоящим бродягой, таким, как Паша, что бы без сомнений полагать, что человек, запросто может оставить насиженное место, бросить нелюбимую работу, друзей, знакомых, привычную обстановку и махнуть в какой-то непонятный городок, которого нет ни на одной официальной карте. Однако все предстоящие временные неудобства не могли перевесить, того, что Михаил Иванович посчитал своим долгом, выполнить последнюю Пашкину волю. Да и нечего особо его не могло удержать, кроме насиженности места, ни родственные связи, ни работа, на которую он ходил каждый день, делая усилие над собой. Наоборот жажда перемен, и оживающий теперь в нем дух авантюризма заставили его снять с пыльных антресолей старый рюкзак и заняться изучением расписания авиарейсов в восточном направлении.

Степан Семенович

Степан Семенович Козлопузов появился в Пропойске лет пять назад... Случилось так, что убегая от кредиторов бывшей жены, он пристал к одному бывалому охотнику, который, петляющими таежными тропами провел его к центральной части города вольных охотников и торговцев. Степан, будем его так в целях экономии пространства иногда называть, попробовал было заняться нелегким охотничьим ремеслом, но все лесные звери, заслышав его бредущим по лесу, еще за километр, и даже не проявив, толики уважения,

даже не разбегались, а просто прятались в кустах и за деревьями, и время от времени подбодря его криком или рычанием, устраивали для себя потеху, глядя, на то, как он пытается прочесть следы или определить направление выстрела по запаху лосиного помета. Кабаны же вовсе его не замечали, сосредоточенно продолжая подрывать своим стальным рылом слежавшуюся хвою даже, тогда, когда Степан передергивал затвор своего заржавевшего карабина.

За всю свою охотничью деятельность выстрелить ему пришлось не меньше двух раз, после чего обиженный медведь загнал его на маньчжурский кедр, где Степан просидел почти сутки, вспоминая детство, молодые годы и первую любовь, а проголодавшись, даже не побоялся перекусить молодыми побегами этого вечнозеленого дерева.

После этого случая, чтобы не смешить вольный народ, весьма охочий поскалить зубы, он решил сменить свою профессиональную ориентацию. И когда он в пропойский приемный пункт драгоценных металлов, отдуваясь и, сияя, словно новые сапоги ефрейтора Кремлевских войск, приволок целый мешок медного колчедана, с которым трое суток спал в обнимку и тащил его, выбиваясь из сил через Старое ущелье Ленивых Тигров, обдирая колени об острую породу, питаясь мхом и сырыми стрекозами, всерьез полагая, что он открыл золотоносную жилу, ему пришлось крепко задуматься.

Ему было уже за сорок и большую часть жизни он проработал бухгалтером в заготовительной конторе, в связи с этим

его будущее в Пропойске представлялось достаточно туманным, а перспектива ночевки под открытым небом принимала все более четкие очертания. В «Пропойской правде», в разделе объявлений о найме на работу он не встретил ни одного касавшего бухгалтеров и ревизоров, похоже этот бизнес в Пропойске не процветал, возможно, потому, что люди верили друг другу на слово, и подсчеты вели в ученических тетрадках химическим карандашом и особо не стремились к совершенству в области учета основных и оборотных средств. Степан Семенович уже решился было пойти работать пивоваром в корейскую артель «Прелый медведь», но в клочке газеты, оторванном для действия необходимого, с точки зрения гигиены, он прочитал объявление о том, что в таможенный отдел городской администрации требуется учетчик.

Похоже, он был единственным кандидатом, так как ему не пришлось особенно долго распространяться о своей профессиональной состоятельности и лояльности к местной власти, и на следующий же день он уже занимался учетом и регистрацией приезжающих граждан, с целью взимания с них въездных пошлин, а так же учетом умерших с целью снятия их с учета и не взимания выездных. В его ведении сосредоточилась вся статистика прироста и убыли населения Пропойска, так как прибывшие в город и проживающие в нем платили пошлины и налоги, и освобождались от оных в случае и на время выезда из города, перехода в сословие нищих (неплатежеспособных) или в случае завер-

шения своей земной деятельности, о чем своевременно были должны предоставить соответствующую справку. В последнем случае нередко справку формировали сами работники городской администрации, на основании соответствующего акта, который составляли в присутствии понятых и заверяли овальной печатью с изображением уже упомянутого веселого тюленя. Работа пришлась Степану по душе, и он несколько лет благополучно с ней справлялся, и в последнее время довел исполнение своих функций до автоматизма, при этом у него больше появилось времени на размышления, что, к сожалению, не всем идет на пользу, потому как, некоторые индивидуумы в данных условиях приобретают умение делать выводы и строить предположения.

На основании анализа статистических данных, к которым Степан Семенович имел прямое касательство и свободный доступ, вывод можно было сделать, мягко говоря, неоднозначный. Временной период, который Степан мог анализировать равнялся восьмидесяти годам, все данные до этого периода были ему не доступны, более того ни где и не у кого, он не нашел исторических свидетельств того, что город существовал более восьмидесяти лет. Во всех документах, которые проходили через него, Степан не нашел ни одного упоминания даты основания города, исторических ссылок и дат рождения до этого периода, то есть в городе, судя по документам, не могло существовать людей, которые родились в нем, и были старше восьмидесяти лет. Он решил обсу-

дить это с коллегами, но не нашел ни какого понимания, — одним это было совершенно не интересно, другие обвинили его в том, что вместо того, что бы работать он лезет куда не надо, а третьи просто наливали стакан самогона, пахнущего малиной и оленьими рогами, и предлагали выпить и не заморачиваться по пустякам.

Каждый год, согласно методической инструкции по ведению учета городского населения, в начале января месяца сводился баланс численности населения города с учетом всех прибывших, убывших и отошедших в мир иной под джазовые композиции, исполняемые местным любительским оркестром и за такую плату, за которую не отказался бы сыграть сам Диззи Гиллеспи со своими ребятами.

Первый, самый ранний документ, восьмидесятилетней давности, говорил о том, что Пропойск, в то время был населен сорока тысячами граждан, и судя по тому, что более ранних документов Степан Семенович Козлопузов не нашел, то он, не без оснований предположил, что с таким количеством населения Пропойск и зародился именно, как город. Далее, просматривая все последующие годовые балансы за всю историю этого славного населенного пункта, можно было отметить следующее: в течение сорока последующих лет численность населения города неуклонно возрастала, и за сорок лет городского бытия достигла ровно восьмидесяти тысяч, после чего кривая опять пошла вниз, неуклонно стремясь к исходному значению. Степана Семеновича, мягко говоря,

удивило – во-первых: равное количество нулей в показателях численности населения, сорок и восемьдесят тысяч, через сорок лет! Для таких показателей нужно было сильно постараться! Только не понятно – кому и зачем? И, во-вторых, огромную заботу на его не сказать могучие плечи возложило то обстоятельство, что самый первый документ о численности населения Пропойска, через месяц должен был справить свой восьмидесятилетний юбилей, а вместе с документом и сам город, если не вскроются иные обстоятельства, которые похоже к этому не спешили...

Более того, численность населения любимого города в соответствии с последующими подсчетами после своего пика, равного восьмидесяти тысячам, начала неуклонно сокращаться, и к определенной дате, которая, нужно сказать, уже просматривалась, должна была достигнуть своего первоначального значения, то есть сорока тысяч жителей. Не нужно говорить о том, что дата юбилея и дата достижения сорокатысячной отметки упорно стремились совпасть! Похоже, в ближайший месяц что-то должно было произойти, причем это «что-то» реально могло просто-напросто завершить городскую историю в расчетное время, и не факт, что при этом все городское гражданское население осталось бы по-прежнему веселым, здоровым, и страшно сказать, – живым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.